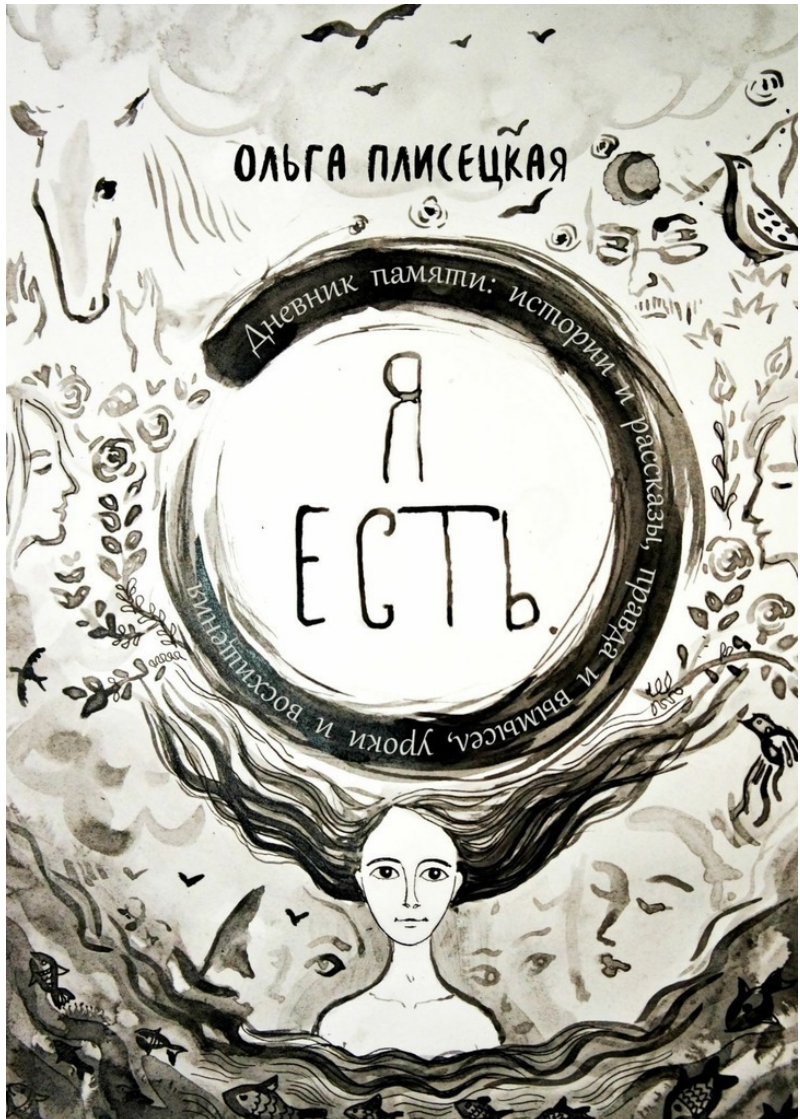

ОЛЬГА ПЛИСЕЦКАЯ

Дневник памяти: истории и рассказы, правда и вымысел, уроки и воспоминания

Я
ЕСТЬ.

Ольга Плисецкая

Я есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17852412

ISBN 9785447460341

Аннотация

«Я есть» – так назвала свой дневник памяти автор блога «Разговор по душам» Ольга Плисецкая. «Я – есмь. Ты будешь, – так писала поэтесса Марина Цветаева. – Ты скажешь: – есмь! – а я скажу: – когда-то...» Вот и этот дневник памяти кто-то когда-то откроет, прочтет, вспомнит, кто-то удивится, а кто-то улыбнется, кто-то найдет что-то свое, похожее, родное...

Содержание

От читателей	5
От автора	10
Ожидание	11
Тарелка событий	12
Выход	14
Просветленный лидер	23
Здравствуй, милый человек!	29
Василий Уткин, правда и я	34
Кошелёк	38
Цветные стёклышки	46
Папа из тридцать второй квартиры	51
Вера творит чудеса	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Я есть
Дневник памяти:
истории и рассказы,
правда и вымысел,
уроки и восхищения
Ольга Плисецкая

© Ольга Плисецкая, 2016

© Констанция Герасименко, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От читателей

Наталья Урейская, журналист, Казань

Дневник памяти «Я есть» наполнен душевным теплом, откровениями, порой в выдуманных историях, а где-то в правдивых. Это становится уже и не так важно, когда в книге есть инсайты. Этот термин часто употребляет сама Ольга. С английского он переводится, как прозрение, проникновение в суть, озарение, внезапная догадка, нахождение решения. Инсайты самой Ольги ценны тем, что в них «зашифрованы» вечные ценности Евангелия. Например, в рассказе «Папа из 32 квартиры» хеппи-энд обусловлен соблюдением юной героиней двух заповедей: любви к ближнему своему и почитанию отца и матери. По крайней мере, для меня эта история именно о любви, прощении и принятии. В рассказе неожиданный конец, и хочется верить, что читатель так же поверит в то, что все мы «обречены» на счастье, если научимся принимать свой жизненный сценарий и верно проходить свои уроки. Моя мать рассказывала, что послевоенные годы были столь тяжёлыми, что нечем было заплатку на платье поставить. Сейчас времена сложные по-иному: нечем поставить «заплатку» на душу, ищущую гармонию, истину, надёжную опору. Книга «Я есть» – это «заплатка» для души, помогающая обрести ориентир к ценностям, способным гармонизировать жизнь читателя. Этим она и ценна.

Ирина Галенко, руководитель кинонаправления iMARS Group, Москва

Браво! Это круто! Вы даже не представляете, сколько эмоций у меня вызвала эта книга и насколько они разные. Каждая история, каждый рассказ оказался мне в чём-то близок, а иногда даже как будто написан про меня или для меня! Дневник памяти «Я есть» задел меня за самые болевые точки: я и рыдала, и смеялась, и грустила, а иногда было даже страшно. Предупреждаю: такую книгу нельзя читать в один присест. Она настолько эмоционально сильная, что лучше её растягивать и смаковать, как дорогое вино или коньяк. Хочу сказать огромное СПАСИБО Оле Плисецкой за возможность прочитать одной из первых её первую книгу, которая меня «встряхнула» и даже в какой-то степени вернула в реальность! От всего сердца желаю успехов этой удивительной книге и жду продолжения! А ещё хочется обнять саму Ольгу и весь мир. Крепко.

Елена Комарова, автор проекта «Кухня успеха», Красноярск

«Хочется поделиться с вами одной историей. Про силу намерения» – именно такими словами начинается один из рассказов про встречу с бабушкой из Нью-Йорка. Мне тоже хочется поделиться своей радостью прикосновения к первой книге Оли Плисецкой! Это прикосновение к её воплотивше-

муся намерению. Я это точно знаю! Больше года назад Ольга доверила мне это намерение накануне своего дня рождения, мы даже записали с ней видео, в котором она говорит: «Я желаю себе в этом году написать книгу. Все друзья говорят мне, что уже пора. А я всё никак не могу решиться. Решаюсь. В этом году. Моя первая книга. Я желаю себе». И все это волшебное действие сопровождала её неповторимая улыбка! Прошёл не год, чуть больше, и я безмерно счастлива, что желание Ольги Плисецкой – вот оно, я держу его в руках! Я обожаю читать всё, что выходит из-под её пера. «Про бабушку Любу» – легко и просто о любви. О любви, о принятии, об открытой миру душе и о делании. А «Начало» – с его первых слов, с первых фраз тоже хочется, ой, как хочется, ну прямо до невозможности хочется всего того, о чем так изящно и легко пишет Ольга. Я настолько погружаюсь в её тексты, что порой мне кажется, что она особенная: она видит сквозь пространство и время щемящие и трогательные моменты моей собственной жизни. В её «Простачке» есть замечательная фраза: «Единственный способ обнаружения пределов возможного состоит в том, чтобы отважиться сделать шаг в невозможное». И сама Оля, она это сделала, сделала свой первый шаг, и теперь пределов нет! И мне хочется сказать ей: «Пиши, обязательно пиши еще! Оля! Пиши! Сдувай с нас шелуху повседневности, вдохновляй, издавайся. Я навсегда твоя читательница».

Елизавета Зеленгур, менеджер по корпоративным продажам ОАО «Газпром Нефть», Санкт-Петербург

Я люблю читать Олю Плисецкую, её блог «Разговор по душам». Не творчество, не произведения, не слова. А читать саму Олю, потому что Оля пишет про Олю, про меня, про всех нас. И что-то цепляет, а что-то нет, оседает глубоко или на поверхности, хватает за живое или проходит мимо. Очень сильно задел «Выход», я читала на работе и, спрятавшись за монитор тихонько утирала слезы. А «Папа из 32 квартиры»? Душно было читать, задыхаешься от описания такой любви. На меня в этом рассказе давит всё: ты не можешь выдохнуть и жаждешь узнать, что дальше. И в конце понимаешь почему задыхаешься, ты, наконец-то, выдыхаешь! И потом читаешь следующее. Читаешь про Олино море, которое не кончается. Такое трудное начало, но такой завораживающий конец. А «Маленькая повесть о Славке»? Прочитайте эту маленькую повесть. Я читала уже, и я перечитала еще раз, и уверена, что прочитаю ещё не раз. Я знаю, что свою первую книгу Оля хочет подарить своей маме. Я скажу так: «Мне тоже есть кому подарить эту книгу!»

Лео Жуков, предприниматель, Мюнхен

За творчеством Ольги Плисецкой я слежу уже несколько лет. Что-то из её рассказов я читал по мере их появления и опубликования в социальных сетях, в Живом журнале или на творческом сайте Ольги «Разговор по душам», а некото-

рые прочитал впервые в этой её первой книге. Рассказы разные, непохожие друг на друга и непредсказуемые как наша жизнь. «Дневник памяти. Я есть» – это истории, которые побуждают остановиться и призадуматься, некоторые вызывают невольные слёзы. Ольга Плисецкая – талантливая писательница и замечательная женщина. Некоторые её рассказы настолько эмоциональны, что, прочитав, вы просто-напросто не сможете остаться равнодушными.

Леонид Лейтес, герой предпоследнего рассказа – тот самый дедушка из Нью-Йорка, инженер, изобретатель, доктор технических наук

Сегодня я, вопреки своим планам действовал согласно незнакомому мне слову прокрастина́ция (из Википедии: от англ. *Procrastination* — задержка, откладывание; от лат. *Crastinus* — завтра и лат. *Pro* – на; – в психологии откладывание дел на потом, которое приводит к болезненным психологическим эффектам), а именно: открыл книгу «Я есть» и не мог оторваться! Ольга пишет замечательно, открывает свою душу! Хорошо бы меньше незнакомых мне слов, например, в толковых словарях я не нашёл слов гипнолог (рекламные тексты – не пособие по грамотности), креативщик, инсайт. Желаю Оле дальнейших больших успехов и удачи!

От автора

Разрешите вам представить своё творчество – это мой «Дневник памяти».

«Дневник памяти» – простые пазлы; складывая их, я рисую картину Жизни, составляю её смысл. Каждый пазл живёт сам по себе. Однако соединяясь, все истории становятся единым целым. В японской классической литературе есть жемчужина – это жанр дзуйхицу, что в буквальном переводе означает «вслед за кистью». Записывать то, что приходит на ум, выходя на сцену Жизни из-за открывшихся кулис памяти. Записывать то, что попадает на глаза, увлекая воображение и рождая ассоциации, повинаясь движению души автора, – будь то воспоминание, история из жизни, бытовая сценка или просто раздумье о быстротечности времени, о людях, их принципах, ценностях, убеждениях – это и есть тот Путь, по которому движется кисть Художника Жизни. «Дневник памяти» – это место встречи Правды и Вымысла, Добра и Зла, Света и Тьмы. Что-то нарисовано мною ярко и отчетливо, а что-то является всего лишь наброском, штрихом, выдумкой или просто раздумьем.

Ожидание

Каждая семья имеет свои традиции, ибо человек без традиций голый. Равно как и общество.

Виктория Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть.

Она с детства мечтала написать книгу. Будучи еще совсем маленькой, когда детвора во дворе бегала и шумела, она тихо сидела дома одна и играла в библиотеку. Отрезала аккуратно ножницами чистые листы из альбома для рисования, складывала их аккуратно пополам, один за другим, и сшивала в серединке иголкой с нитками. Это бабушка её научила. Бабушка хотела научить её пришивать пуговицы, но ей это было неинтересно, и она попросила бабушку научить её делать книги.

– А что в них будет написано-то?! – смеялся дед, прищуривая глаза, удивляясь такому рукоделию.

– А всё то, что напишется, – подбадривала её бабушка, защищая от дедушкиных нападок.

Она ещё не умела писать и даже не умела читать, но уже знала, что такое черновик, и свои книги называла беловиками. Хотя бы потому, что страницы в них были белыми-белыми.

Тарелка событий

Если мы когда-либо сможем пробраться через туман проекций, в которых проводим большую часть жизни, то начнем воспринимать обычное как исключительное.

Роберт Джонсон

У вас было такое, вы вдруг осознали, что вы стали другим человеком? Вот вы проснулись утром и всё. Вы – другой. Что-то ушло, отломилось, оборвалось, исчезло, испарилось, угасло... Что-то очень важное, и оно уже сыграло свою

роль. Настало время прощаться. Я помню в далёком детстве мы пришли в парк, и все там катались с горки на железных таких санках. А я уже считала себя ну очень взрослой и всё-таки тоже решила прокатиться... И вот я лечу с этой большой горы и мимо проносятся люди, деревья, небо, яркие фонари. Я слышу смех, отдаленно обрывки разговоров, слышу, как «дышит» сам парк. Чувствую свежесть ветра, искрящуюся зиму и ещё я чувствую, что что-то необъяснимое уходит, исчезает, обрывается, испаряется. Я с грустью подумала: «Вот и всё, детство кончилось. И оно уже не вернётся...» И когда санки остановились, уткнувшись своим носом в сугроб, я уже была другим человеком. Вот сегодня утром я проснулась и поняла, что что-то ушло, отломилось, оборвалось, исчезло, испарилось, угасло... Знаете, как на часах, пробил час, и ты понимаешь, что начался следующий. Вот так и в жизни, есть своя невидимая «стрелка», отсчитывающая события, знания, опыт, переживания и много чего еще. Она как будто одинаково делит всё это на некие порции, и когда «тарелка событий» наполняется, она выдаёт вам новую порцию... И не то, чтобы грустно. Каждый этап наполнен своими яркими впечатлениями и шикарными сюрпризами, своими жизненными уроками и встречами. И не то, чтобы весело, что вот он, новый поворот, начало... Нет. Просто очень спокойно. Неожиданно спокойно на душе.

Выход

Нужно только глядеть в эти глаза души, «дикие, мудрые и любящие», и учиться у них.

Кларисса Эстес

Сегодня меня удивила моя память.

Сегодня я вспомнила, как мчалась после уроков в кон-

носпортивную школу. Меня уговорила туда пойти моя подруга. Она была единственным ребенком в семье, и желание о ком-то заботиться вырастило в ней огромную любовь к животным. Особенно к лошадям. Она меня туда и привела. За руку. И представила тренера:

– Это – Оля. Она тоже любит лошадей.

Если честно, я тогда и сама не знала: люблю – не люблю. Просто подруга была очень убедительна.

– Оля! Ты даже сама ещё не знаешь, что любишь! Вот дядя Митя познакомит тебя с твоей лошадей, и ты поймешь.

Дядя Митя был не просто тренером. Он стал для многих из нас роднее родного отца. Нет, он не нянчился с нами, он не хвалил, он не ругал, он вообще особо много с нами не разговаривал. Но он умел так посмотреть. Его взгляд просвечивал насквозь, в самую «внутрь», как рентгеновские лучи. Хотя эти лучи – неудачное сравнение. Это был очень особый взгляд – не изучающий, не настороженный, не насмешливый, не оценочный, не пронзительный, не сердитый, а очень-очень-очень спокойный взгляд. Нет, тоже не то, спокойствие – оно может быть и от безразличия. Это был очень тёплый взгляд! Тёплый-тёплый, такой глубокий, мудрый, добрый, подбадривающий, весёлый, понимающий, прощающий, утешающий, восхищенный, радостный одновременно.

Я больше никогда не встречала такого взгляда. Ни у кого. Никогда. Хотя...

Ну если только еще один раз...

Дядя Митя очень пристально посмотрел на меня усталыми глазами.

– Оля, говоришь... Второй денник слева от входа. Будь как дома, ангел.

И дядя Митя протянул мне руку. Она была очень теплая, даже горячая, и большая. И я почему-то подумала, что у него горячее и большое сердце.

– Архангел. Идём знакомиться!

Я решила, что Архангелом он назвал себя, потому что он старший.

Архангелом звали жеребца из того самого второго денника.

Дядя Митя рассказал мне в подробностях о моих обязанностях: кормить, поить, чистить, расчищать, мыть, убирать... Мне показалось, что он специально перечисляет так много действий, чтобы я поняла, люблю или не люблю я лошадей.

– Перед тем как заходить к нему, Архангелу своему, предупреждай его! Когда будешь чистить его, в карманы, смотри, в первое время ничего не суй. Привыкнешь – начнешь баловать. Хлебушек он любит. Я чуть позже приду. Всё покажу. А пока стой здесь и смотри ему в глаза. Он живой. Он всё чувствует.

Вы когда-нибудь смотрели лошади в глаза? Ну да, значит, вы понимаете меня. Глаза эти большие и выразительные, очень умные. Такое ощущение, что лошадь знает всю

вековую мудрость мира, все его законы и всё-всё про тебя самого. И ты не можешь быть перед ней кем-то кроме самого себя...

Я ходила в эту школу год. У нас была учебная группа, и кони наши тоже назывались «учебными». Группа наша не была коммерческой, у нас не было особого расписания занятий, экипировок, соревнований. Нас называли «Митькины ребята». Мы приходили тогда, когда захотим. А хотели мы всегда. И в плохую погоду, и в холодное время года.

Вы думаете, нас обучали навыкам управления и посадки, седлать, крепче сидеть, ездить? Ну, может быть, чуть-чуть. Когда мы сильно упрашивали старших, или они за нас дядю Митю.

Чему нас учил дядя Митя?

Он учил нас любить.

Любить лошадей.

– Лошадь не может быть прокатной, спортивной, учебной... Она может быть только любимой. Видишь, как радуется тебе! Чувствует своих! Молодец!

Я смотрела на дядю Митю обожающими глазами, и мне было неважно, кто молодец – я или Архангел.

Дядя Митя учил нас любить.

Любить людей, землю, воздух, небо, жизнь...

Просто любить, глядя в глаза, без слов. Он и сам так умел смотреть.

И всё получалось. Мы старались. И у нас всегда было пра-

во на ошибку.

– Ошибка – это кочка на дороге. Дорога-то от этого не кончается, так? Ещё раз, пробуй! – спокойно, убавив свой голос на самую тихую громкость, говорил дядя Митя, подбадривая добрым взглядом.

– Архангелу тебя чего бояться? Это ты трусишь, а он чувствует. Успокойся. Не волнуйся. Еще раз, пробуй!

Много тёплых фраз дяди Мити хранит моя память. А ещё она хранит воспоминания о дне, когда одного из учебных коней было решено отправить на... мясокомбинат, на бойню. Я помню, как нечаянно подслушала разговор, вернее, одну фразу: «Архангел – отработанный материал...» До сих пор эти слова режут мне слух.

Иногда одна фраза может изменить жизнь. Перевернуть её, встряхнуть, перетрясти, скинуть из привычных будней, как лошадь скидывает наездника.

Лошади знают, что их приговорили. Причём они знают об этом заранее.

Они чувствуют любовь. Они улавливают в воздухе, что перестали быть нужными.

– Дядя Митя! Миленький! Прошу тебя! Нет, нет, нет! Пожалуйста! Спаси его! Спаси!

Он шёл быстрым шагом, а я бегала вокруг него, пытаюсь заглянуть ему в глаза. Он уводил взгляд в сторону и отталкивал меня, словно отцепляя колючки.

– Нет, не можешь так поступить, ты не можешь разрешить им! Он же еще катает нас!

Я путалась в словах. И вдруг дядя Митя остановился. И я поняла, что у его голоса есть и полная громкость. Он про-

кричал мне в лицо:

– Я ненавижу три вещи! Сопли, слёзы и слюни...

– А я, а я... Я ненавижу только одного человека на этом свете! Тебя, дядя Митя! – заорала я неожиданно для себя самой.

– Я и сам себя ненавижу, – его голос снова убавился почти до шёпота. Он достал носовой платок и стал вытирать моё опухшее от слёз лицо. Потом он почему-то поцеловал мокрый платок.

– Просто есть вещи на свете, которые нельзя изменить.

– Ну мы ведь даже не попробовали?! Ведь наверняка есть выход?

– Выход обычно там же, где вход, – дядя Митя улыбнулся и ушел.

Я смотрела ему вслед и понимала, что больше не буду ходить в эту школу, не смогу видеть второй денник слева. Единственное, что я смогу – продолжать любить лошадей.

Любить людей, землю, воздух, небо, жизнь...

И дядю Митю.

И Архангела.

On милоу, он кѣ уѣзжает...

Просветленный лидер

Некоторые встречи не только помогают, но и позволяют выжить и почти нормально развиваться, «открывая путь в жизнь»: дед, бабушка или сосед (соседка), занимающийся воспитанием родственник, учитель в школе, великодушный начальник, кто-то, заслуживающий доверия, или иной «помощник» или «проводник», товарищ по несчастью или попутчик (везде, даже в концентрационном лагере, военном либо политическом). Этот «кто-то» является столь необходимой палочкой-выручалочкой и позволяет поверить в жизнь.

Анн Анселин Шутценбергер. Синдром предков.

В подъезде нашего дома живёт бабушка. Бабушка Люба. Ей 97 лет. Милая, приятная старушка, всегда в хорошем настроении, улыбчивая и приветливая. Для меня она – Просветлённый лидер. Спокойно! Я в с своём уме и не падаю ниц, когда вижу её, сидящей на скамеечке около подъезда. Объясню, почему я так думаю.

Сначала бабушка Люба украсила подоконники на нашем этаже в нашем подъезде горшками с цветами. Красиво. На следующий день самые яркие цветы, те, что с бутонами,

украли, и около метро можно было увидеть притких торговцев горшками с бабушкиными цветами. Соседи решили поставить замок и домофон на входную дверь. А она повесила на стены рамки с изречениями великих, пробуждающими совесть и действующими как заповеди. И снова поставила цветы на подоконник. Уютно. В подъезд стали проникать шумные подростки. Бабушка Люба вышла и... предложила им воды или чаю. Они долго смеялись. Пообрывали цветы и перевернули рамки.

В подъезд стали проникать шумные подростки

На следующий день она снова поставила цветы, вернула рамкам прежний вид и положила на подоконник книги. Классику. Пришли подростки. Галдели, шумели. Она вышла и... предложила им чаю со своими плюшками, аппетитными и вкусно пахнущими. Ребята не смогли отказаться. И даже уволокли с собой книги с обещанием прочитать. Цветы они не тронули, рамки – тоже. На следующий день она вынесла пластиковую бутылку с водой, чтобы каждый, кто решил позаботиться о цветах, смог их полить. И... новые книги. Вечером пришли подростки, обливали друг друга водой, хохотали и галдели. Бабушка снова вышла к ним и предложила чаю, плюшек, забрала бутылку, наполнила её водой и попросила их полить цветы. Ребята стали приходить в подъезд каждый день, соседи возмущались, даже как-то вызвали милицию, но бабушка сказала, что это, мол, к ней, её ученики пришли за книжками, раздала при милиционерах книги потерянным подросткам и проводила милицию: «С богом!»

*Она вышла и
предложила им...*

...чаю со своими плюшками

В подъезде появился шкаф с книгами. И рядом объявление: «Просьба! Если у вас дома есть интересные и важные

книги, уже прочитанные вами, поделитесь! Будьте добры! А те, кто взял почитать, пожалуйста, верните для тех, кому так же это может быть нужно и важно!» Шкаф заполнился книгами. Цветы появились на подоконниках на всех этажах. Красивые рамки с цитатами тоже. Каждый вечер входную дверь в подъезд стали оставлять открытой. Вечером можно было увидеть на лестницах подростков, читающих книги. Бабушка положила на подоконник несколько фонариков, чтобы им было удобнее читать. Дети сидели в подъезде с включенными фонариками, и в нем было светлее, чем обычно. Бабушка умерла.

На первом этаже нашего дома открыли клуб для детей и подростков. С библиотекой и цветами на подоконниках. Символом клуба стал фонарик...

А вы как думаете, эту бабушку можно назвать Просветлённым лидером?

Позвольте объяснить, почему я начала рассказ со слова «живёт», а не «жила». Потому что такое ощущение, что она по-прежнему «живёт» в нашем подъезде, в доме, в клубе, в городе, в стране, на планете, во Вселенной. Жива любовь. Ведь так?

Здравствуй, милый человек!

*В грустном и тёмном мире мы – маленький
островок радости.*

Стивен Кинг. Страна радости.

Если Ты читаешь эти слова здесь и сейчас, значит, я наконец-то нашла Тебя.

Как же долго я ждала нашей встречи!

Мы виделись с Тобой уже много-много раз. Вернее, это я видела Тебя, а ты меня – нет.

Я вглядывалась в Твои грустные глаза, но Ты отводил их в сторону или просто смотрел себе под ноги.

Я пыталась снова и снова поймать Твой взгляд и Твоё внимание.

Всё было тщетно.

Чего я только не делала...

Превращалась в тёплый летний дождь, чтобы смыть Твою печаль.

Была пушистым снегом, чтобы позволить Тебе упасть на мягкий снежный ковёр и увидеть звёздное небо.

Стала солнцем, чтобы Ты согрелся и, прищурив глаза, насладился всеми цветами радуги.

Пробовала быть влажной весенней травой, призывая Тебя просто побродить по городскому парку.

Я притворялась любознательной старушкой, пытаюсь начать с Тобой разговор, расспрашивая Тебя о Твоих делах и заботах.

Однажды я даже явилась к Тебе в роли маленького мальчугана лет трёх, который решил поделиться с Тобой своими игрушками: «Давай играть?! Смотри, что у меня есть!»

Я превращалась в маленькую строчку в газете: «Ищу...»

В объявление на одинокой, но уютной остановке: «Приму в дар...»

В попрошайку у метро, похлопывая Тебя по плечу и называя своим братом.

В яркий фонарь у Твоего дома, приглашая посидеть на лавочке у подъезда со вздыхающим и уставшим от прожитых лет дедом.

В букет цветов в шуршащей упаковке, просясь к Тебе в руки: «Подари меня кому-нибудь, а?»

В подушку в чистой свежей наволочке, пахнущую детством и нежностью.

Как-то раз я даже приняла вид выброшенного стола, гордо стоящего на помойке и точь-в-точь похожего на стол Твоей любимой бабушки, которой уже давно нет, как, впрочем, нет и стола: «Забери меня. Забери хотя бы на дачу, я еще пригожусь, потому что я круглый, а бабушка всегда говорила: «Нет острых углов, значит, нет поводов для конфликтов».

Однажды я трансформировалась в пианино у друзей в гостях, приглашая Тебя насладиться звуками Твоего детства,

да-да, просто «Собачий вальс», попробуй?!

Я умудрилась спрятаться в телефонный звонок с предложением о встрече, в неожиданное письмо с тёплыми, как вкусный утренний чай, словами, в подаренную книжку, в единственную в ней, нужную только Тебе, фразу: *«Душа каждого человека радуется, когда он делает добро другому»*.

Я преобразовалась в билет на самолёт и Твоё любимое место у окна, в приглашение на новую работу, на новую должность, в новый проект.

Я звала Тебя на яркие мероприятия: волшебные тренинги, мастер-классы и игры.

Приглашала в новые впечатления, предлагала новые знакомства, дарила новые идеи.

Оставляла сердечки, нарисованные на стекле твоей машины.

Я перевоплощалась в тысячи, миллионы, миллиарды, триллионы возможностей.

Ты меня не замечал.

Ты по-прежнему считал, что с Тобой что-то не так, что Тебя невозможно любить, что к Тебе нельзя относиться по-доброму, что Тебя некому пригреть, что Ты одинок, что Миру Ты не нужен, что люди не те, что человечность рушится, что всё никогда не будет таким светлым и добрым, как Ты бы хотел, что понимания не достичь, как не достичь скорости света...

И вот я здесь.

Я снова к Тебе пришла.

Послушай, послушай меня, пожалуйста!

Услышь мою просьбу.

Услышь мой тихий шепот.

Я очень-очень прошу тебя: улыбнись!

Улыбнись этому Миру, и Он улыбнётся Тебе.

Прямо сейчас встань, пожалуйста, из-за стола.

Выпрямись во весь рост, расправь плечи.

Посмотри на себя в зеркало.

Увидь себя там. Такого настоящего и уникального, единственного и неповторимого. И... улыбнись.

Улыбнись этому Миру, этому чудесному приключению под названием Жизнь.

Ты есть.

И с Тобой всё хорошо.

Слышишь?!

ВСЁ ХОРОШО.

Твоя радость

Р. S. Помни обо мне. Я всегда рядом. Я с Тобой. И я... за Тебя. Как сказано было: «Радости вашей никто не отнимет у вас».

Р. Р. S. Видишь, я тебя и здесь нашла;)

Василий Уткин, правда и я

*Правда редко бывает чистой и никогда
не бывает простой.*

Оскар Уайльд

Я не увлекаюсь футболом.

И мало во всём этом разбираюсь.

И всё-таки однажды познакомилась с Василием Уткиным.

Я тогда преподавала в Детской академии телевидения и сопровождала своих юных студентов – детей, которые хотят, «чтоб меня по телеку показывали», или родители которых хотели/хотят реализовать свои несбывшиеся мечты.

Сопровождала на экскурсию, на самый что ни на есть Первый канал. Я показывала им, где и как пишутся новости, показывала студии, гримёрные.

О, знаете, сколько восторга!

– Вот-вот, она самая, ну, как же её зовут?

– Екатерина Андреева.

– А, это у неё денег на причёску не хватает? Так моя бабушка говорит.

– А вот он, он про погоду рассказывает. Ух ты, ботаник, живой!

– Ой, не могу, Малахов! Смотри-смотри, вот он выскочил из студии, ой, маленький, оказывается, такой щупленький.

Я-то думал, он великан!

– Вот идёт великан. Великан так великан!

– Это ж сам Василий Уткин! Смотрите-смотрите, ой, он с нами в лифт, ух ты, точно будет перевес, а мы не застрянем?

Обожаю детей, они скажут – так скажут. Они же не раздумывают, как мы с вами, что можно, а что нельзя.

И вот мы едем в лифте, Василий Уткин смотрит на всю эту ораву, на меня недоумённым взглядом. Малышня стоит, затаив дыхание, а мне, боже, так стыдно признаться, что я его и не знаю, ни разу не видела даже до этого, и в общем-то весь их восторг мне непонятен.

И тут Уткин этот спрашивает меня:

– А они, что?! Все ваши?

Наверное, он так пошутил, не понял, что это за 12 чертенят прижались все к какой-то новоявленной Мэри Поппинс, обхватили её от испуга, уставились на него своими яркими глазёнками.

– Да, все мои, – с гордостью ответила я. Надо же было что-то сказать...

А вечером, после занятий, ко мне подошёл мальчик. Оказалось, что у него нет мамы, она умерла, и он живёт с папой и бабушкой, и тихонечко так спросил меня: «А я правда тоже ваш?»

Не знаю, почему именно сегодня я вспомнила эту историю, этого мальчика, которому я от растерянности так ничего и не успела ответить, – громогласная бабушка как-то

быстро его увела, Уткина этого вспомнила зачем-то, которого я тоже больше так и не видела никогда.

И слышу голос этот тихий, такой невероятно серьёзный, и вопрос этот, такой искренний, такой честный:

– А я правда тоже ваш?

И плакать почему-то хочется.

Уткнуться в подушку и плакать.

И усыновить, удочерить разных мальчиков и девочек, собрать их всех и сказать: «Да, вы все мои! Мои!»

И новости не смотреть никогда.

Потому что неправда всё это, новости эти, звёзды улыбающиеся, улыбающиеся даже тогда, когда грустно и плакать хочется.

А правда – это если бы я решилась так сделать.

Если бы я решилась ответить на такой вопрос хотя бы одному человечку в жизни, человечку, который без мамы, или без родителей вообще.

Помните, у Шолохова: «А зачем я тебе?! – А на всю жизнь!»

А ещё правда, что я не увлекаюсь футболом и мало во всём этом разбираюсь.

Мне вообще иногда кажется, что я в этой жизни мало разбираюсь...

Кошелёк

Нарядными бывают только настоящие драгоценности.

Виктория Токарева.

Просто свободный вечер.

Ксюха ушла в отель. Она считала себя не такой как все,

но факт про интенсивное полуденное солнце, вредное для всех, делал её уязвимой. Так что она ушла в гостиничный номер. Сашка отправилась на массаж, а я пошла бродить по магазинам. Больших торговых центров или хотя бы маленьких магазинчиков поблизости не наблюдалось, и я решила отправиться в сторону небольшого базарчика, расположенного на трех параллельных улочках курортного городка Ллорет-де-Мар. Покупать я особо ничего не собиралась, но на всякий случай решила взять с собой деньги.

– Все не бери, – сказал мне вдогонку муж, абсолютно не переживающий из-за интенсивного полуденного солнца и выбирающий греться под солнышком, а не шататься со мной по магазинам.

– У меня свои есть. Накопленные, – решительно ответила я. И пошла бродить. Разглядывать аляповатые сувениры, все эти магнитики, магнитики, магнитики, фигурки быков, вееры, кастаньеты, несуразные, не по сезону тёплые куртки, развешанные рядом с красивыми и изящными купальниками, какие-то светильники, домашнюю утварь, посуду, полотенца, махровые простыни, покрывала, снова аляповатые сувениры... Такое ощущение, что всё это привезли и свалили в одну кучу, а шумные испанцы не растерялись и разобрали поскорей, что кому досталось. И давай это быстрее продавать, несмотря на сиесту. И вдруг среди всего этого развешанного и разложенного, безвкусного и однообразного я увидела магазинчик. В его окнах красовались строгие порт-

фели и чемоданы, вокруг которых валялись кошельки, как рассыпавшиеся купюры. «Разбросаны как купюры. Купюры в кожаном переплете, как в сериале «Книжная лавка Блэка», – подумала я. Помните, хозяин книжного царства Бернард Блэк выдвигал свои требования к деньгам: «Мне нужны кожаные, чтобы подходили к моему бумажнику»? А этот магазинчик со стильно оформленными витринами и какой-то прямо-таки сказочной деревянной дверью, с кольцом посередине вместо обычной ручки, был царством кошельков. Кошельки были разбросаны, разложены, развешаны по всему магазину. Пахло чем-то пряным, вкусным, острым. Очень приятный аромат сразу встречал и располагал к себе, втягивал в глубины магазинчика, как в сказочный лабиринт, заставленный стеллажами и стеклянными витринами, и, сделав несколько шагов, я уже забыла, где вход, потеряв его из вида. Навстречу мне вышел солидный мужчина, седовласый, аккуратно причесанный, волосок к волоску, как будто только что от парикмахера, какой-то уж очень важный: в очках в золотой оправе, в тёмно-синем костюме и белоснежной рубашке, в начищенных до блеска тёмно-коричневых ботинках. Он вышел со знанием того, какое впечатление производит, – уверенно и деловито, – и строго спросил, абсолютно без вопросительной интонации, а так, словно он и без меня заранее знает, что мне нужно: «Натуральная кожа интересует. Только бренды. Аванцо, Дациаро, Аббачино. Ремни, кошельки, портмоне. Только для достойных мужчин. Очень

дорого», – и вручил мне кошелёк.

– Я хозяин этого бутика, вы русская?

– Да, – ответила я почти шёпотом, завороженная то ли этой неожиданной строгостью – на улице почти +40, а тут костюм, начищенные до блеска ботинки, очки... То ли кошельком, неожиданно оказавшимся у меня в руках.

– Девочка моя, здесь очень дорогие товары и очень высокие цены. Это бренды, понимаешь? Эксклюзив. Только для достойных мужчин.

– Я просто...

– Просто решила посмотреть, – манера говорить этого человека была настолько хозяйской, он даже не спрашивал и абсолютно не интересовался, он знал. Вся моя живость и уверенность куда-то улетучились. А может, пьянящий запах растворил их, или безгранично уверенная интонация, властный тон, высокомерный взгляд делали свое дело. У этого человека была роль главного на этой территории, и я чувствовала себя незваной гостьей, которой тут же диктуют свои правила, не переживая и не волнуясь ни капли, а есть ли у этой самой гостьи свои.

Со мной не разговаривали.

Меня не спрашивали.

Мною не интересовались.

Хладнокровное давление, абсолютно безо всякого участия, без уже привычной навязчивости продавцов. Безэмоциональный, сухой, властный напор:

– Смотреть надо на мужчин, которых выбираешь, девочка, а не на кошельки, которые ты им покупаешь. Это портмоне только для достойного мужчины.

Сейчас я бы нашлась, что ответить. Мне хочется в это верить.

А в тот момент... В тот момент я очень растерялась.

Я чётко слышала, что мне не то что намекают, мне в глаза говорят, что вокруг меня нет достойных и покупать мне, в общем-то, некому. Да ещё и дорого.

– Сколько он стоит? – только и смогла промямлить я. Хозяин кошельков направился к выходу, явно не желая продолжать со мной разговор, а всего лишь желая выпроводить меня со своей территории, выдворить из своих владений, объявить персоной нон грата.

– Очень дорого. Я же сказал: это подарок для достойного мужчины, – ответил мне седовласый владелец магазина, царь этого кожгалантерейного царства, президент этой собственной страны достойных покупок.

– Сюда заходят только знающие люди. Эта вещь не для всех, – завершил он с неким сочувствием, забирая у меня кошелёк.

Шаг за шагом, направляемая хозяином магазина, я снова оказалась у выхода.

Дверь закрипела, и я, не успев выйти, вынуждена была пропустить очень элегантную женщину, в облегающем белом платье и изящной соломенной шляпке, в ярко-красных

туфлях на высоком каблуке, такую, самую что ни на есть мадам. Эта фифа окинула меня высокомерным взглядом снизу-вверх и уверенно прошла вперёд. Я закрыла за ней дверь, как будто встречала её, а сама так и осталась стоять внутри магазинчика. Чтобы не потерять её из виду среди стеклянных витрин и стеллажей, я прошла за ней, остановившись так, чтобы мне было видно их обоих. Он страстно приветствовал её, сделал пару лестных комплиментов: «Ах, ох, Вы, как и всегда, так изящны!», – поцеловал ей руку, достал уверенно с полки тот самый кошелёк под названием «эта вещь не для всех», предложил несколько ремней, расхваливая качество натуральной кожи, она, конечно же, не устояла, попросила всё упаковать, он похвалил её за выбор, завернул покупку в тёмно-синюю шуршащую бумагу и проводил до двери, обнимая за талию и улыбаясь чуть надменной улыбкой. Закрыв за мадам сказочную дверь, он тут же подошёл ко мне. Я подумала, что он меня сейчас выгонит, возьмет за шкуру, как котенка, и выставит, но он всего лишь высокопарно сказал:

– Эта женщина знает, что такое достойно!

О, нет, он не говорил мне: «Тебе этого не дано» или «Посмотри на себя в зеркало».

Этого не нужно было говорить.

Эти фразы были беззвучны в стенах магазина. Их слышала только я.

– А почему Вы так уверены, что вокруг меня нет достой-

ных мужчин? – в этот момент мне стало так обидно за своего мужа. Как он там? Один на пляже, на этом вредном солнце? То, что ему точно не нужен никакой кошелёк, я знала на сто процентов: у него кошелька-то никогда не было.

Он не любил кошельки. Он хранил деньги в кармане или перетягивал их резинкой.

– Девочка моя, кошелёк – это не просто стильный аксессуар. У умных людей он не только хранит деньги, но и приумножает доход. Именно поэтому кошелёк должен быть респектабельным. Это портмоне стоит больше тысячи евро, – поучал меня знаток кошельков. Но у меня не было тысячи евро, у меня было всего четыреста.

– Четыреста. Хорошо, четыреста. Я продам тебе эту вещь за четыреста. Я вижу, что ты хочешь купить этот кошелёк. Осталось понять кому.

– Папе, – волнуясь, ответила я.

– Теперь я вижу, что ты понимаешь, что такое достойно. Такие подарки делают только достойным мужчинам. Это понимание дорогого стоит. Я сделаю исключение. Это – не скидка. Это – исключение. Найти достойного – вообще исключительный случай.

Единственный человек в моей жизни, которого я называла когда-либо папой, – это отец моего мужа.

Я возвращалась в гостиницу уверенной походкой.

Папа – самый достойный мужчина.

Я была горда собой.

На обратной дороге, в аэропорту, я увидела в киоске точно такой же кошелёк за сорок евро.

Та же фирма, та же кожа, цена только другая. 40 евро.

Что ж, бывает!

Я подарила кошелёк папе.

И с тех пор ни разу не видела этот кошелёк у него.

Так и не знаю, пользовался он им или нет?

Сначала было неудобно уточнять, ведь не спросишь:
«Пап, а где тот кошелёк, который я тебе подарила?»

А теперь уж и совсем бессмысленно.

Цветные стёклышки

Человек находит решение проблем, только когда чувствует их остроту, когда знает, что их решение – это вопрос жизни и смерти.

Эрих Фромм. Искусство быть.

Хочу на море. Друзья зовут: «Приезжай! Снимем тебе дом на целый год – с бассейном, со стеклянной крышей. Будешь лежать, смотреть в потолок, а там звёзды. Мы будем навещать тебя – приносить горячую еду, вкусные напитки и заботу. Заботу в виде „неспрашивания“ ни о чём, „нелазанья“ в душу, „нековыряния“ в твоих запутавшихся мыслях. Хочешь – пиши, хочешь – не пиши. Отдохни. Мы тебя любим. Всякой. Без косметики, без достижений, без надрывных побед, без успехов, без талантов, без доказательств. Только приезжай, пожалуйста».

Хорошие друзья, правда?

Не у каждого есть такие.

Не у каждого есть дом со стеклянной крышей, через которую видны звёзды.

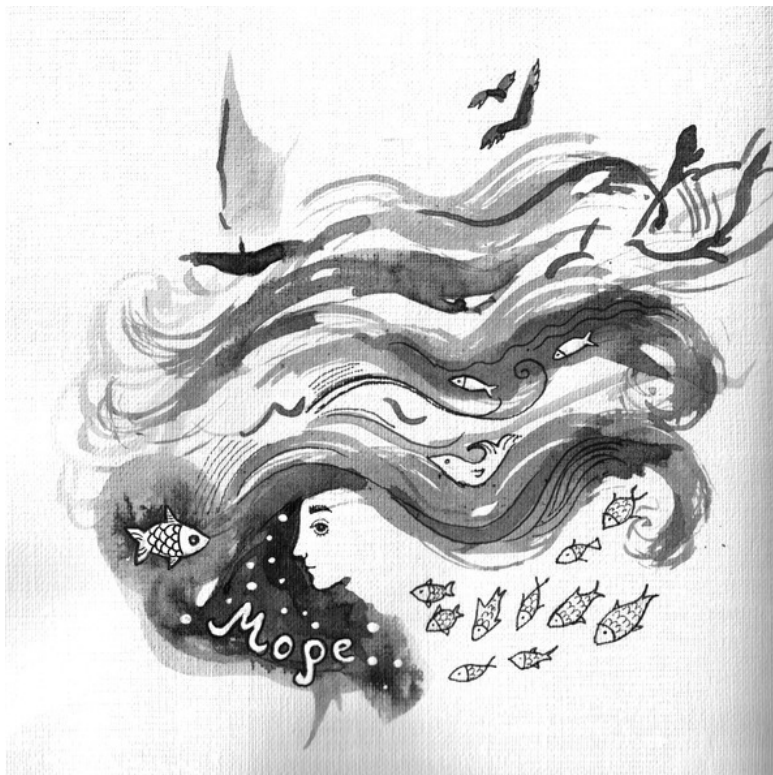
Не у каждого у входа в дом есть море.

Море.

Вот лежу, смотрю в потолок, не стеклянный, нет, просто потолок. Белый. И думаю об этом волшебном предложении – целый год, целый дом, целое море.

Море.

Когда-то, давным-давно, в какой-то далёкой и другой жизни, мама отвезла нас с братишкой на море. Мы ехали к нему долго-долго, несколько дней. В поезде. Мне казалось, это такой специальный поезд – туда затолкали всех, кто ни разу в жизни не видел море. И отправили. В нём было жарко, душно, все шумели, жили в этом поезде самую что ни на есть настоящую жизнь – целыми днями что-то ели, пили, ссорились, мирились, стирали белье, сушили, кричали на малышей, носились с горшками, а вечером всё стихало. Гасили свет, и все начинали шептать, храпеть, сопеть, шуршать целлофановыми пакетами. У этих пакетов есть особенность – их громкость шуршания ночью увеличивается вместе с желанием срочно из них что-то достать.

Братик мой был совсем маленьким и очень боялся меня потерять. Когда на промежуточных станциях мама отправляла меня, старшую, за горячей картошкой или еще чем-нибудь съедобным и свежим к суетливым бабушкам, он прилипал к окошку поезда своим маленьким личиком и шептал: «Олечка, миленькая, только успей обратно, только успей,

только успе́й!»

И когда я, довольная, с трофеями в виде жареной картошечки или кефира в стеклянной бутылке возвращалась, он кидался на меня с объятиями и целовал, целовал, целовал мне руки, не умея и не желая скрыть свою большую радость. Затем успокаивался, залезал ко мне на коленки и сидел тихо, в отличие от других малышей, прижавшись, обнимая меня так, как будто у него могли меня отнять, а он ни за что и никому не хотел меня отдавать. Мама заботливо накрывала на стол, а он отказывался от принесённой еды. Мама ворчала, а он не слушал её, шептал мне: «Хорошо, что ты успела!»

И на море этом не отпускал меня от себя, всё ходил по пятам – куда я, туда и он. Как хвостик.

Сейчас он вырос и превратился во взрослого дядечку и больше не ходит за мной, и как-то уже очень давно перестал переживать, успею я куда-то или нет. Мама на днях сказала, что он хочет пригласить меня... на море.

Меня, маму, моих детей.

Именно на то, на котором мы были, на берегу которого закапывали свои детские секретки. Помните, да? Ямка, камушки или какие-нибудь безделушки, цветочки, красивые фантики и сверху – цветные стёклышки. Зелёные или жёлтые. Стёклышки эти – бутылочные осколки. Дети умеют придумать красоту даже из осколков. Я рада, что мой братик, превратившийся во взрослого дядечку, вспомнил об этом нашем умении.

Так что друзьям, конечно, огромное-преогромное спасибо. Они меня поймут. Я знаю.

Какой уж тут бассейн, дом со стеклянной крышей, какие, к чёрту, звёзды, когда тут такое дело.

Мой брат решил пригласить меня на море.

Папа из тридцать второй квартиры

Никогда не поздно иметь счастливое детство...

У Светки был самый замечательный папа в мире.

Ну, во-первых, он так ждал её появления. Сам выбирал для неё, ещё не существующей, но уже задуманной Кем-то большим, имя. Перелопатил всевозможные словари. Идея назвать в честь своей матушки или любимой тётушки не рассматривалась. Папа где-то прочитал, что называть в честь умерших родственников не стоит: судьба будет похожей. А своей дочери папа желал судьбу необыкновенную. Волшебную. Мечтал, что дочь его будет счастливой, чего бы это ему ни стоило.

И имя нашел ей красивое.

Светлое.

Света. Светуля. Светланка. Светуся. Светланочка. Светик. Светусик. Све-то-чка.

Решено!

Светочка с веточки, птичка в черевичках, лапочка-дочка в тёплых чулочках.

Он, папа, будет гулять с ней часами на свежем воздухе. Наконец-то! Давно мечтал выбираться на улицу и всегда завидовал гуляющим с колясками – лучшей медитации не придумать. Еще папа мечтал одевать Светочку в лучшие наряды,

в самые нежные, в самые кукольные-кукольные. Вот, идет такая девочка-девочка, и все ей умиляются: надо же, настоящая принцесса! И платьишко, и туфельки, и такие кудряшки. Это же придумали всё, что мужчины якобы ждут сыновей и такие ими гордые и напыщенные, на самом деле истинные мужчины всегда рады девочке. Это вам не мама, которая вас воспитывает, и не жена, которая часто делает практически то же самое. Этим женщинам от мужчины часто бывает что-то нужно, что-то он им всё время должен, что-то от него ждут, требуют, просят. А доченька – это другое. Тут ты сам рад отдать ей всё, что у тебя есть. Она любит тебя безусловно, ты – единственный в её жизни папа, который навсегда, который укроет от всех бед, который любит свой нос или свои глаза в этом девчачьем личике, преданно смотрящим на тебя. Это жёны могут быть бывшими, а пап же, бывших, не бывает?! То-то! Доченьке неважно, сколько ты зарабатываешь, какая у тебя машина, какое у тебя образование, каков он, твой жизненный успех.

Доченька любит тебя всяким.

И от этого безусловного принятия хочется сворачивать горы, хочется достигать, хочется проявлять себя только героем, быть мудрым. Дочь для мужчины – это ангелочек, оберег, подаренный Богом, маленькая феечка, которая приходит в твою жизнь, и жизнь твоя, даже если она была серой и скучной, преображается. Доченька, миленький комочек нежности и всего самого, что только может быть на земле

чистого и светлого. Так папа рассуждал, ожидая Светочкиного появления. И вот, когда Ангелочек явился, всё именно так и произошло. Папа баловал Светочку. Каждую минуту. Каждую секунду. Отвоевал право у жены и тёщи, что только он её купает, он её убаюкивает, он её пеленает. Соседи восхищались: надо же, как этот-то из 32 квартиры дочь-то любит! Как любовь меняет человека: стал обходительный, вежливый, галантный. Гулять – сам, за детским питанием – сам, в поликлинику – сам. И вот, уже к лету осенний цветочек расцвел, и все могли наблюдать милое создание во всей красе – в платишках и панамочках, как папа и мечтал. И эта его любовь растянулась на все годы: каждый день в садик и из садика, шнурочки на ботиночках развязывал и завязывал, на саночках катал, на всякие гимнастики-пения-хореографии водил, сидел в коридорах в ожидании, читая книжки о правильном воспитании, с женой и тёщей вечно воевал, если только они повышали голос на его принцессу, обучал их, как надо общаться и как не надо, ссылаясь на Гиппенрейтер, ту самую, что точно знала КАК. Во всяких девчачьих штучках разбирался – это Барби феи, а это Винкс энциклкс, это Блум, а это Лалалупси Алиса, в школу собирал, лучшие портфели и ранцы, карандашики, ручечки, стёрочки, тетрадки.

– Пап! А давай купим вот этот, самый красивый! Зара и панда, Зара и панда! Смотри, какие они милые! – кружилась Светочка вокруг папы.

– Выбери, какой хочешь, – отвечал папа.

Папа не умел сказать «нет»: любой каприз, в пределах разумного, конечно, ведь папа растил идеальную дочь, а не ноющую принцессу. Папа читал Светочке сказки и даже сочинял их сам: «Пуговке очень больно. Она оторвалась и потерялась... Пуговке надо взять ответственность за себя». Он разговаривал со Светочкой по душам: что сегодня произошло хорошего, а что плохого? Он учил справляться дочь с трудностями:

– Димка обидел? А ты? А он? Истоптал твою куртку?! Обзывался? Запомни одно: подставлять другую щеку ты будешь при милых поцелуях, а когда тебя унижают – надо бить!

И папа учил Светочку драться, отстаивать свои границы, защищать их, учил правильно сжимать кулаки, правильно ударять, правильно сгибать руку соперника, не давая ему даже замахнуться, папа учил правильно давать пощечины, такие, чтобы потом оставались следы и надолго, чтобы надолго помнил тот, кто решился пнуть в коленку или выбить стул, чтобы Светка рухнула на пол, надолго помнил, что Светку обижать нельзя. Запрещено. Светка об этом даже рассказала Димке.

Достаточно было рассказать.

Папа был мудрым. У него можно было спросить обо всем на свете: имеет ли жук-пожарник отношение к пожарам, кто такой шпрыхштальмейстер, как пишется слово «безапелляционный», почему он прозвал Димку «чичисбеем», почему

в 1926 году Далай-лама ввел налог на уши.

– Пап, а у тебя была первая любовь?

– Да. Твоя мама. Первая и единственная. Всё остальное – это так, симпатии. Люди часто путают, думают – вот оно, на всю жизнь, нашёл, а это просто симпатия. Нам часто нравятся те, кто или похож на нас, или, наоборот, обладает какими-то качествами, которых нет в нас самих, и мы ищем, тянемся, хотим тоже быть такими. Тихоням нравятся активные, активным – тихони, смелым – робкие, правдивым – выдумщицы... Всякое бывает. Но не всё есть любовь, – рассуждал папа. – Иногда люди тянутся друг к другу просто потому, что у них есть общий урок. Они как брат и сестра, родные на духовном уровне, и может начать казаться, что это притяжение – и есть любовь. Потом, через много лет, люди иногда начинают понимать, для чего они были даны друг другу, что эта их встреча – не просто случайность, а урок. А кто-то так и не понимает, не всех настигает мудрость. Когда к тебе придёт настоящая любовь, ты это почувствуешь, поймешь, доченька, вот увидишь! – уверял папа Светочку.

Он так радовался Светочкиной золотой медали. Какая гордость! Умница! Все экзамены на отлично!

К сожалению, папа не смог прийти на вручение аттестатов. Передал Светочке шикарный букет. Когда объявили Светкину фамилию, она встала и с этим букетом пошла к сцене. Димка, тот самый, истоптавший когда-то её куртку, начал аплодировать первым, тем самым подняв за собой весь

зал, и все стали кричать: «Браво! Браво!»

Светочка светилась от счастья.

Да, избитое выражение, да, клише, да, трюизм, а как по-другому сказать, если на самом деле светилась?!

Светочка купалась в папиной любви, словно в самом нежном, в самом тёплом, в самом чудесном море на свете. Её красота, женственность, грациозность были настолько безупречны: казалось, что над её головой светится нимб.

Нимб счастья.

Она держала в руках букет из любимых белых пионов, аттестат зрелости и маленькую коробочку, которую ей подарил Димка. В коробочке лежала маленькая пуговка. Маленькая голубая пуговка с белым кружочком в середине и переливающимся камушком в самом центре.

Димка знал про Светку чуть больше, чем она думала. Он даже знал, что не было у Светки никакого папы. Выдумала она его себе. Папа сбежал, исчез, растворился, как только узнал, что мама беременна, и с тех пор папу этого, идеального и почти святого, так никто никогда и не видел.

И еще Димка знал, как он назовет их дочку.

И еще он помнил сказку про пуговку.

Сказку, которую Светке когда-то рассказал её папа.

Вера творит чудеса

Хороший актер перед спектаклем входит в образ.

Виктория Токарева. День без вранья.

– Сними маску! Будь сама собой! Ничего не играй! Просто поверь, что тебе плохо. Ты просишь о помощи! Проси! Проси! Мы должны поверить, что тебе плохо, и ты просишь, умоляешь о помощи! – молодой парень, ведущий театральной студии, кричал на хрупкую женщину, смущённо перебиравшую ярко-красный платок в руках. Его голос был резким,

требовательным, авторитарным.

– Ну, знаете, я оказалась в такой ситуации... Мне очень жаль... Мне очень плохо, очень, очень, – голос её дрожал.

– Не верю! Не верю! Врёшь! – ведущий был просто вне себя от ярости, он очень хотел, чтобы девушка, что называется, «прорвалась» сквозь толщу наигранности, неестественности, жеманства.

– Я очень плохо себя чувствую, мне нужна вода. Хотя бы глоток. У меня кружится голова. Может, это низкое давление. Здесь мало свежего воздуха, – её голос дрожал. Она дышала так, словно пыталась набрать в рот побольше воздуха. Она вдыхала этот воздух, как будто проглатывая долгожданный глоток воды, и выдыхала, продолжая дрожать и комкать платок в руках.

– Ну что ты притворяешься?! Тебе когда-нибудь было по-настоящему плохо? Тебе в этот момент всё равно, как ты выглядишь, что думают о тебе другие, ты не кокетничаешь, не пытаешься понравиться, ты просто растворяешься в своей боли. Единственное, на что у тебя хватает сил, – еле-еле попросить о помощи. Ещё раз! Давай же! Ну! – мастер театральной игры кричал так, что звенело в ушах.

– Может, вы мне поможете? Принесите мне воды. Он меня не слышит, – девушка вдруг обратилась ко мне. Я растерялась. Я перестала чувствовать реальность. Отличать, где её игра, а где правда. Я смотрела на ведущего, волнуясь и не понимая, что делать, как действовать в данной ситуации.

– Рано еще тебе воды! Не верю! Что ты строишь мне глазки? Что ты заигрываешь со мной? Что ты просишь помощи у неё? Причем здесь она! Ты у меня проси! У меня! – ведущий аж вспотел, он метался перед сценой. Туда-сюда. Туда-сюда. Он закидывал руки, поднимал голову с важным видом чувства собственного достоинства, затем протирает свой лоб, стряхивая капли пота очень красивыми жестами, поправляя пиджак и принимался вновь:

– Это я должен захотеть тебе помочь! Понимаешь?! Бросить всё, все свои дела, кинуться спасти тебя! Понимаешь?! Спа-сать! Давай! Ещё раз!

Девушка еле стояла на ногах, не найдя, на что можно опереться, она вдруг как-то аккуратно, даже, можно сказать, красиво, упала на пол, оставаясь в сидячем положении, изящно подогнув колени.

– Мне плохо, – прошептала она и окончательно свалилась всем весом на деревянный пошарканный пол старого театра.

– Вставай! Разве так падают! Тоже мне, актриса погорелого театра! Подогнула ножки, коленочки вместе! Когда падают, то не думают о красоте позы, понимаешь?! Не интересуются, как выглядят твои стройные ножки! Вставай! Еще раз! – ведущий сел на красивое красное бархатное кресло, поставленное прямо перед сценой.

Девушка не шевелилась. Я вдруг засомневалась в системе Станиславского. А может, наоборот, я поняла, что я верю! Верю, что ей плохо! И я встала. Нет же! Я вскочила, как су-

масшедшая, и побежала за водой. Когда я вернулась, ведущий сидел на корточках перед начинающей актрисой и размахивал пиджаком. Я подбежала. Набрала скорее в рот воды и прыснула на девушку. Ещё раз. И ещё раз. Её лицо было белым, как шёлковая кофточка на ней. Или это не шёлк? Очень нежная ткань. Очень нежная. Эта ткань просвечивала. Не сильно. Очень нежно, но просвечивала. Её кожа тоже. Лицо уже было почти голубым. Стало страшно.

– Вызывай скорую! Чего уставилась! – закричал на меня несостоявшийся режиссер.

Я начала набирать номер. Телефон для данной экстренной ситуации был постоянно занят. Я очень нервничала. Заново набирала цифры, уже наизусть, не глядя, набирая их в телефоне, сбрасывала короткие гудки, звучащие для меня как «SOS», «SOS», «SOS», и смотрела на девушку. Мне было очень холодно. То ли от этого постоянного размахивания пиджаком, то ли от стресса, то ли от голубого цвета лица.

Девушка открыла глаза. Посмотрела на меня.

– Я не люблю неискренних людей, – прошептала она, снова закрыв глаза.

Промелькнули кадры из фильмов, даже не кадры, а фразы, видимо, услышанные мною когда-то. Те самые особенные слова, которые перед смертью говорят люди.

– Я люблю тебя.

– Прости меня.

– Это совсем не страшно.

Девушка снова открыла глаза. Ведущий бросил пиджак на пол, выхватил у меня телефон и стал сам набирать номер.

– Алло! Скорая! У нас тут... – он с укоризной глянул на меня, лихо дозвонившись с первого раза.

– Вы мне верите? – обратилась она ко мне. – Вы верите, что мне плохо?

– Верю! Верю! Верю! Только не умирайте, всё будет хорошо! Это давление. Так бывает!

– Я сама так сильно в это поверила. И это случилось, понимаете?

– Вера творит чудеса! – зачем я сказала эту фразу? В данной ситуации она была бессмысленна и абсолютно не к месту.

– Всё хорошо. У меня это получилось, – дрожащим голосом сказала девушка. – Я видела, что вы искренне верите, и поэтому у меня получилось. Это очень важно, когда тебе верят, – и она снова закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.